

Ирина Матлак

АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ИССУШЕНИЕ
АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

•
ЛИСЫ ВЫБИРАЮТ СЛАДОСТИ

•
СУМЕРЕЧЬЕ. ДЕВЧОНКА ИЗ СЛЕЗНЫХ ТРУЩОБ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Матлак

Сумеречье.
Девчонка из Слезных трущоб

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2018
 ARMA
&
«Издательство А.И.Ф.А.-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
МЗЗ

Серия основана в 2011 году
Выпуск 365

Художник
Е. Никольская

Матлак И. А.

МЗЗ Сумеречье. Девчонка из Слезных трущоб: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2691-1

Происхождение определяет многое — в этом я убеждалась не раз. Разве может девчонка из трущоб рассчитывать на более завидную участь, чем торговка в рыбной лавке? Мечты о лучшей жизни так и оставались мечтами, пока в Сумеречье не появился адмирал королевского флота. Все перевернулось с ног на голову, и теперь я — кадет Морского корпуса ловцов.

Служба дается нелегко, потерянные души будоражат Сумеречное море, а тут еще объявляется легендарный пират, почему-то начавший меня преследовать. В городе запускается цепочка загадочных происшествий, явно связанных между собой... и, похоже, каким-то образом связанных со мной.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Матлак И. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2691-1

ГЛАВА 1

Глубинные бы побрали этих дроу! Сидят в своих катакомбах, потворствуют контрабанде и изготавливают бракованные вещи. А честные граждане, ввиду своей честности не имеющие большого дохода, вынуждены их покупать и мучиться. Вот где это видано, чтобы будильники обладали зачатками интеллекта?

К счастью, сегодня синий шарик на коротких ножках долго меня не гонял и сдался неожиданно легко. Даже не стал привычно перебегать в другую часть комнатки и прятаться под табуретку, чем сильно облегчил мне задачу.

Подняв с пола, я с силой его встряхнула, и, как только будильник смолк, с первого этажа донеслись недовольные вопли папочки:

— Фрида, несносная ты девчонка! Сколько раз говорить, чтобы не шумела по утрам?!

На последних словах его язык начал заплетаться, и буквально через несколько секунд хлипенькие стены нашего дома затряслись от громоподобного храпа.

Все как обычно.

Вздохнув, я включила свет и принялась собираться. Лампы непрерывно мигали, издавали противное гудение и вызывали сильное желание хорошенько по ним треснуть. Эти шедевры тоже вышли из-под рук темного народа и потому высоким качеством не отличались.

Скрипнув, дверца шкафа открылась и явила взгляду несколько скромных платьев, чем поставила меня перед сложнейшим выбором: теплое, но проеденное молью или относи-

тельно приличное на вид, но слишком легкое. Рассудив, что под плащом моего шикарного наряда все равно видно не будет, я остановилась на первом.

Все-таки правильно говорит Далия — мне давно пора пополнить гардероб. Да хоть бы и вещами, сшитыми дроу! Пусть разойдутся по швам уже через пару дней после покупки, зато эту пару дней буду похожа на нормального человека, а не на бродяжку из Слезных трущоб.

Смешно, если учесть, что как раз в Слезных трущобах я и живу.

Расчесав волосы и обув тяжелые ботинки, я вышла из своей комнатухи и, плотно закрыв дверь, стала спускаться вниз. Старалась ступать как можно тише, но предательские ступени, плачущие по ремонту не один десяток лет, прогибались и привычно жаловались на свою судьбу. Едва оказавшись на первом этаже, я споткнулась о пустую бутылку и негромко выругалась.

— Не шуметь по утрам, не шуметь по утрам, — передразнила папу, отправляя бывшую обитель эля в мусор. — Пить меньше надо, вот что!

Последнюю фразу намеренно крикнула громко, но слова потонули все в том же храпе, который будто назло стал еще громче.

Я зашла в ванную и открутила кран, молясь, чтобы пошла вода. При тех морозах, что обрушились вчера, ее вполне могли отключить. Такое случалось часто, и нам приходилось испытывать на себе все прелести мытья ледяной водой, в то время как столбик термометра опускался до отметки «минус тридцать». Точнее, страдала только я — папочке на это было глубоко плевать, если рядом имелась бутылка-другая эля. А она имелась всегда.

Раньше отец работал на каменоломне Троруэн, но из-за постоянного пьянства около полугода назад лишился места. Откуда он брал деньги, будучи безработным, оставалось для меня загадкой до тех пор, пока я не обнаружила исчезновения собственной зарплаты. Да, папочка не гнушался время от времени обворовывать собственную дочь и не испытывал по этому по-

воду ни малейших угрызений совести. С того времени как я об этом узнала, стала носить деньги при себе, но эль в нашем доме по-прежнему являлся постоянным гостем. Все потому, что с того же времени отец стал несколько раз в неделю ходить в порт и подрабатывать, разгружая торговые судна. Вырученной суммы как раз хватало на пару бутылок горячительного, и следующие дни он проводил в полубессознательном состоянии. Или же абсолютно бессознательном.

Вопреки опасениям вода из крана все-таки полилась — правда, бурая и с примесью песка.

Кое-как умывшись, я отправилась на кухню, но, попутно бросив взгляд на часы, подскочила на месте как ошпаренная.

Опять опаздываю! А ведь господин Митто грозился уволить, если еще раз позволю себе задержаться даже на несколько минут!

Повторять участь родителя, оставшись без работы, мне абсолютно не улыбалось, поэтому, наспех накинув меховой плащ и до носа обмотавшись любимым красным шарфом, я выскочила на улицу.

Темноту раннего утра разбавляли лишь редкие фонари и робкий свет лун, едва пробивающийся из-за хмурых туч. Я миновала нарощие друг на друга накренившиеся домишки, стоявшие вперемежку с почерневшими хибарами, из длинных труб которых вылетал сизой дымок. Идя по узкой, петляющей между ними дороге, то и дело поскальзывалась на гладкой ледяной корке. Казалось, я двигалась по ровному зеркалу, стыдливо прикрывшемуся редкими крупинками снега. Щеки щипал холодный ветер, он же пробирался под одежду и бросал горсти снега за шиворот, вынуждая плотнее затягивать шарф.

Слезные трупщобы недаром считались самым бедным и неблагоприятным районом всего Сумеречья. Сюда не заходили не то что аристократы, но и средний класс, справедливо полагая, что такие места лучше обходить стороной. Добропорядочным горожанам нечего делать в низах — там, где тебя могут обидеть, обокрасть или вообще убить. Надо отметить, слухи не очень-то и преувеличивали.

— Фри-и-ида, — неожиданно раздался поблизости басовитый голос, заставивший на миг остановиться. — Куда спешишь, Фри-и-ида?

В одном из проходов между домами в полумраке вырисовалась грузная фигура Тимарда — ярчайшего примера тех личностей, каких приличные жители Сумеречья боялись встретить в этих местах. Высокий, широкоплечий, отравивший знатное брюхо тролль отличался вспыльчивым нравом и обладал интеллектом меньшим, чем мой будильник.

Серая громадина стояла, сложив руки на груди и поблескивая кольцеобразной серьгой, продетой в левое ухо, размерами сильно превосходящее правое. Идущий от тролля запах мешался со смрадом расположившейся поблизости помойки, что отнюдь не порождало во мне желания с ним любезничать.

— На работу, — коротко ответила я, в то время как Тимард преградил мне дорогу. — Дай пройти, опаздываю!

Тролль осклабился, обнажив ряд неровных пожелтевших зубов, и сделал шаг мне навстречу. Подумав о том, что по милости этого верзилы в самом деле опоздаю и потеряю место, я разозлилась.

— Пройти, говорю, дай! — повысив голос, уперла руки в бока. — Еще пара секунд, и о синеводке можешь не мечтать!

Услышав о любимой рыбе, коей я по доброте душевной иногда угощала соседей, тролль смешался и тут же отступил назад.

— Фридошка, может, тебя проводить, а? А то пристанет кто-нибудь по дороге! — донеслось мне в спину, когда я уже спускалась вниз по утопающей в снегу тропке.

Ответом ему был завывающий ветер и нестройный хор уличных кошек, побирающихся на помойке.

Вообще-то в глубине души Тимард — парень, как ни странно, добрый. Но какой уважающий себя тролль признается, что любит вышивать крестиком и питает слабость к мелкой живности? Слабость не в смысле гастрономических пристрастий, а самую настоящую любовь и сострадание. Он и сегодня поднялся в такую рань, чтобы покормить месячных котят, прозябающих в им же принесенной картонной коробке. Собратья

узнают — засмеют, вот Тимард и старается всячески поддерживать репутацию жестокого и кровожадного разбойника.

Про вышивание я узнала случайно, когда зашла к нему домой, чтобы отдать причитающуюся синеводку. Хотя, говоря по правде, не целую рыбину, а обрезки — голову, хвост и внутренности. Филе каждодневно выставлялось на продажу в торговой точке господина Митто, к которой с утра до позднего вечера тянулась длиннющая очередь. Цены мой наниматель ставил адекватные, самые низкие на всем западном рынке, а постоянным покупателям делал еще и ощутимые скидки. Я подозревала, что он имеет связи с контрабандистами, но меня это несколько не волновало. Пусть хоть с самими глубинными, лишь бы исправно платил.

Выйдя из Слезных трущоб, я расправила плечи и двинулась вперед по широкому тротуару, вдоль которого горело множество желтых фонарей. Здесь на магическом освещении не экономили, хотя до роскоши центральных районов этим кварталам все равно было далеко.

Несмотря на ранний час, на рынке было шумно. Многочисленные продавцы спешили занять свои места, принимали свежий товар и тут же его раскладывали. То тут, то там слышались их перебранки, крики и призывы к грузчикам быть аккуратнее.

Миновав ту часть, где торговали мясом и овощами, я вышла к рыбным рядам. Лавка господина Митто располагалась в самом центре, и уже сейчас возле нее толпился народ, спешащий занять очередь до открытия.

— Фрида! — завидев меня, воскликнул один из наших постоянных покупателей — неказистый карлик, промышляющий продажей ворованного золота. — А крылышки черного ската сегодня будут?

— Ага, — машинально отозвалась я, на всех парах влетая в лавку.

— Ты мне лучшие отложи, самые большие!

— Ага, — повторила я, оказавшись в маленьком помещении, где было едва ли теплее, чем снаружи.

Стрелки замызганных настенных часов показывали двадцать восемь минут седьмого. Я не только успела, но еще и пришла двумя минутами раньше! Правда, долго довольствоваться этим фактом мне не дали, как не дали и отдышаться. Господин Митто, появившийся словно ши из табакерки, всучил мне короб свежей трески и велел расфасовывать.

— Еще хоть раз явишься впритык к назначенному времени — уволю! — пригрозил он, сотрясая воздух указательным пальцем и сурово глядя на меня снизу вверх.

Ну вот где справедливость? Я ведь и так стараюсь, работу выполняю исправно, сегодня пришла вовремя. Впрочем, грех жаловаться: быть торговкой рыбой — не самая страшная участь. Мне с моим происхождением и образованием следует каждый день возносить благодарность поднебесным за то, что и такая работа имеется.

«Девчонка из трущоб» — клеймо, полученное при рождении и преследующее на протяжении всей жизни. От него нелегко избавиться.

«Выше головы не прыгнешь», — как часто говорит мой любимый папочка, запивая собственные неудачи дешевым элементом производства дробу.

— Фридка, новость слышала? — с ходу огорошила меня ворвавшаяся в лавку Далия.

На миг оторвавшись от расфасовки рыбы, я откинула упавшую на лоб прядь и хмуро посмотрела на вошедшую:

— Нет.

Только новостей мне сейчас не хватало! Щипцы для костей да ножи для рыбьих голов — вот и все мои новости этого утра. А Далия вообще любительница раздувать незначительные мелочи до размеров Сумеречного моря.

— Говорят, в Жемчужном порту сегодня видели человека, похожего на Кайера Флинта, — сделав страшные глаза, поделилась подруга. — А моряки клянутся, что на горизонте показался его корабль!

Окончательно потеряв интерес к последним сплетням, я фыркнула:

— Морякам спьяну и не то покажется. Кайера Флинта отправили на виселицу месяц назад, а «Черный призрак» был конфискован и уничтожен.

— Так на то он и призрак, — понизив голос до полусшепота, продолжала нагнетать Далия, — чтобы после гибели капитана являться.

— Опять языками чешете! — раздался поблизости вопль крайне возмущенного господина Митто, и я гневно сверкнула глазами в сторону Далии.

Хотя какое там гневно... так, немного недовольно и чуточку жалобно. Знает ведь, что времени на разговоры нет, а все равно каждое утро одно и то же. А господин Митто ее вообще на дух не переносит, если видит в лавке даже во время законного обеда, тут же находит повод, чтобы выставить. Наниматель Далии с ним в состоянии холодной войны, и, надо отметить, господин Митто выигрывает по всем фронтам. Очереди у нас всегда длиннее, а клиенты блещут довольными минами.

— Э-э, ну скоро откроетесь али нет? — прохрипел стоящий в начале очереди дед. — На свиданку опоздаю!

Да, начет довольных мин я погорячилась.

— А вы избраннице букет синеводки дарить собрались? — осведомилась я, с шумом отодвигая в угол тяжелый ящик.

Вообще-то с покупателями я привыкла общаться вежливо, но иногда так и подмывает выплеснуть кипящие внутри эмоции. Знают ведь, что открываемся ровно в половине восьмого, то есть через целый час, а все туда же, торопят...

Не желая подливать масла в огонь, что отражался в глазах моего недовольного нанимателя, Далия подмигнула на прощанье и упорхнула в соседнюю лавку, у которой тоже толпился народ.

К тому времени как табличка на окошке была перевернута, сообщая, что мы открылись, небо тронули первые проблески рассвета. Самые долгие дни в наших краях можно было наблюдать всего один зимний месяц, которого многие ждали с большим нетерпением.

Остров, входящий в состав Объединенного Двудунного королевства, не зря звался Сумеречьем. Он получил свое назва-

ние не только из-за окружающего его Сумеречного моря, но и потому, что ночи здесь тянулись гораздо дольше дней. В сущности, светлое время суток длилось всего шесть часов, а в остальное время этот немаленький клочок земли прятался в синих сумерках.

Тем не менее именно у нас можно было наблюдать знаменитые алые рассветы, посмотреть на которые съезжался народ со всех уголков королевства. Зрелище было действительно потрясающим и не переставало вызывать восхищение даже у коренных жителей. Алые рассветы длились всего три дня, на которые Сумеречье превращалось в средоточие праздника.

Сейчас до этого знаменательного события осталось чуть больше недели, из-за чего все стояли на ушах, снова и снова обсуждая скорый приезд сильных мира сего.

Да, любование алым небом стало традицией для членов королевской семьи. Ежегодно организацию праздника брала под свой бдительный контроль Калиста — дочь правящего короля, младшая и горячо любимая народом принцесса. Несколько раз мне доводилось видеть ее издали, стоя среди шумной восторженной толпы, и надо отметить, восторгаться действительно было чем.

Почти всех членов королевской семьи отличал извечный огонь, являющийся невероятно сильной магией чистокровных черных саламандр. Его унаследовала и кронпринцесса Оксара, которая, в отличие от младшей сестры, была мрачной, замкнутой и наводила на подданных благоговейный страх; и принц Дэрэн, родившийся всего на год позже. Единственной, не унаследовавшей огонь, была Линария — третья принцесса, славящаяся своими странностями. Именно по отношению к ней чаще всего применяли определения «чудаковатая» и «не от мира сего». Она родилась с даром воздушного духа, который, впрочем, по силе ничем не уступал извечному огню.

До объединения два королевства стояли на пороге войны, которая привела бы к уничтожению обоих. Кроме того, существовала угроза со стороны одного из крупнейших соседних государств. Монархи понимали опасность положения, поэтому переступили через гордость и не просто заключили союз,

а породнились, поженив своих наследников. Таким образом кровь черных саламандр смешалась с кровью сильфов. Теперь в королевских семьях рождались и те, и другие, но обоими видами магии за всю историю не владел еще никто.

Кажется, из нынешних королевских отпрысков Линария была единственной, кого не волновал престол. Зато Дэрэн спал и видел, как потеснить старшую сестру, которая, по его мнению, совсем не заслуживала чести в будущем стать королевой.

По крайней мере именно такие слухи ходили среди народа, и даже мне, не особо интересующейся политикой, не раз приходилось их слышать.

— Какой-то несвежий вид у этой форели, — выдернула меня из размышлений щупленькая старушка, придирчиво рассматривающая рыбу. — Вставную челюсть даю, она сдохла неделю назад!

Любезно улыбнувшись, я моментально возразила:

— Что вы, могу поклясться, она плавала еще вчера! Посмотрите, какая яркая фиолетовая чешуя, видите, как отликает перламутром? Если рыба лежит дольше суток, чешуйки делаются мутными, и это заметно невооруженным глазом.

У привередливой покупательницы глаза были очень даже вооружены — большими круглыми очками, благодаря которым она умудрилась рассмотреть то, чего на рыбе и в помине не было.

— А это что? — Старушка ткнула пальцем прямо в рыбий глаз. — Пленка какая-то!

— Ну где же пленка? — Моя улыбка стала еще лучезарнее. — Глаза ясные и голубые, все как положено. Любезная, помимо этой свежайшей форели могу порекомендовать лилово-бородые мидии, на которые сегодня действует особая скидка.

Покупательница задумчиво огладила подбородок сухенькими пальцами, при этом покосившись в сторону акционного товара:

— Знаю я ваши скидки... что протухло, то и сбыть пытаетесь!

Поворчав еще некоторое время, старушка все же сдалась и приобрела не только форель, но и предложенные ей мидии, сметя почти половину. Уходя, она не переставала пересчитывать сдачу и бубнить что-то о недобросовестных торговцах, сдирающих за неподобающий товар три шкуры.

К подобным инцидентам я давно привыкла и сейчас воспринимала их как развлечение. В самом деле, где еще тренировать выдержку и умение ладить с представителями нашей сумеречной общественности, как не на работе?

— Да-а, — довольно потирая руки, протянул тот самый дед, который торопил меня с открытием. — Свежести этих мидий и невинная дева позавидует! Взвесь-ка мне все, что остались!

Сегодня торговля шла на диво удачно даже для такой популярной лавки, как наша. В последнюю неделю перед алыми рассветами местные жители всегда пытаются купить как можно больше вещей и продуктов, считая, что, тратя деньги, привлекают удачу и счастье. Уже никто и не помнит, откуда пошла такая традиция, но очень многие безоговорочно ей следуют.

Я в это не верила, но, как и господин Митто, была крайне рада притоку покупателей. Видя, что товар уходит как никогда хорошо, наниматель неожиданно расщедрился и даже пообещал в этом месяце добавить мне премиальных.

Чудный день! Если не считать сокращенного обеда и полтора часовой переработки.

Из лавки я вышла в девятом часу, прихватив причитающиеся по праву остатки синеводки. Если бы не привычка, наверное, тут же упала бы от усталости. Но три года работы давали о себе знать, к графику я привыкла и теперь валилась с ног только по возвращении домой. Наверное, выработался своеобразный рефлекс, позволяющий телу расслабляться только в стенах моей родной комнатки.

Далия сегодня тоже задержалась, и через рынок мы шли вместе. Подруга всегда отличалась повышенным оптимизмом и излишней впечатлительностью, поэтому ее теперешняя восторженная болтовня меня нисколько не удивляла.

— Фридка, ты только посмотри! — Она указала на торговца украшениями, изготовленными из осколков морских раковин. — Красота какая!

Многочисленные бусы, серьги и браслеты, которыми был завален весь прилавок, в самом деле выглядели привлекательно. Украшения были и белыми, как первый снег, и отливающими перламутром, и черными, и даже темно-синими — сделанными из самых дорогих раковин. Даже странно, что такую роскошь продавали на рынке.

— Куда руки тянешь? — сурово нахмурился продавец, когда я взяла посмотреть один из браслетов. Окинув меня взглядом с ног до головы, он задержался на старых, заношенных ботинках и едва заметно поморщился.

Торговец был явно приезжим — всех, кто торговал здесь постоянно, я знала лично и поддерживала с ними приятельские отношения. Его реакция меня ничуть не удивила, но все равно стало неприятно. Как будто схватили за шиворот и в помойку бросили.

— И не нужны нам ваши цапки, — фыркнула Далия, беря меня под руку. — Полная безвкусица!

Возмущения торговца я не расслышала из-за того, что сосредоточилась на браслете, который продолжала держать в руке. В отличие от прочих, он был сделан из жемчуга. Темно-синего мраморного жемчуга — самого редкого вида из существующих. Такие продавали только в лучших магазинах, и встретить подобную драгоценность на рынке было чем-то за пределами.

Вспомнилось, как около полугода назад я стояла у витрины магазина уважаемого господина Тинна, смотря на комплект украшений из этого самого жемчуга. Тогда у меня выдался отвратительный день, настроение было паршивое, и я решила прогуляться по центру, чтобы немного развеяться. В отражении витрины казалось, что синее кольцо лежит прямо на моей шее, и тогда увиденное так меня поразило, что я едва не разрыдалась. Просто словно увидела себя со стороны — в жалком заношенном тряпье, похожую на маленькую бродяжку. И это на контрасте роскоши, от которой меня отделяло всего лишь

стекло — кажется, сделай шаг, и тут же окажешься по другую его сторону...

Тогда на меня накатила какая-то шальная волна, и я поклялась себе, что когда-нибудь непременно добьюсь успеха. Буду упорно трудиться, найду достойное место в жизни и однажды проснусь самой счастливой во всем мире.

Пока с исполнением второй части клятвы получалось не очень.

— Идем! — потянула меня за собой Далия, вынудив опомниться.

Не дожидаясь, пока торговец, не приведи поднебесные, позовет стражей, я вернула браслет на место. Под неллицеприятные эпитеты оскорбленного до глубины души продавца мы с Далией удалялись от прилавка, и в какой-то момент я неожиданно поймала чей-то взгляд.

Неподалеку стоял человек, чье лицо скрывалось в тени глубокого капюшона. Я столкнулась с его глазами всего на секунду, а после он затерялся среди снующей по рынку толпы.

Позади слышались крики вставших на нашу защиту местных торговцев, и теперь приезжему зазнайке приходилось отбиваться от их словесных нападков.

— Ты чего удумал, девочек наших обижать?!

— Ши ряженный!

— Ишь, побрякушки разложил, водоросль глубинная!

Я даже немножко позлорадствовала. У нас тут своя сплоченная команда, банда, можно сказать, и, несмотря на здоровую конкуренцию, своих мы в обиду не даем. Владельцы торговых точек — это одно, а вот простой люд и нелюд, вкалывающий с утра до вечера, напыщенных чужаков на дух не переносит. Знатным лицам недовольства, конечно, никогда не выскажет, а вот равным себе — всегда пожалуйста.

Выйдя с рынка, мы остановились, и Далия попыталась меня приободрить:

— Ты не переживай, ерунда все это. Плюнуть и растереть!

— Я и не переживаю. — Надо отметить, это было сказано вполне искренне. — Меня давно перестало волновать чужое мнение... ну, почти.

Далия была моей единственной подругой. Она жила в благополучном районе, имела полную семью и даже двух младших братьев-близнецов. Родители ее были далеко не богатыми, поэтому Далии с раннего возраста приходилось работать, чтобы им помогать и обеспечивать свое существование. Этим мы были похожи.

Попрощавшись, мы разошлись в разные стороны, и я направилась к морю. Как и всегда, после работы намеревалась заглянуть к своим любимцам, обожающим синеводку не меньше тролля, живущего со мной по соседству.

ГЛАВА 2

— Кс-кс-кс, — позвала я, присев на старом причале, которого уже давно никто не пользовался.

Услышав зов, морские котики откликнулись сразу же, на поверхности появились их милые мордашки с большими и синими, в тон морской воды, глазами. Зверьки ступили на шипящие волны и в один прыжок оказались рядом со мной.

Мокрые кошки — зрелище еще то, но морские котики — существа особенные. Стоило их лапам коснуться твердой поверхности причала, как черная шерсть вмиг стала сухой.

Развернув сверток с приготовленной для них рыбой, я положила его на покрытые наледью доски, и котики тут же принялись за угощение.

Взрослые особи без проблем добывают пропитание сами, поймать рыбу для них ничего не стоит, а эти совсем маленькие. В отличие от обычных котов, морские рождаются из икринок, и родители о них не заботятся, поэтому выживают лишь сильнейшие. Ну и везучие, разумеется.

Этим котяткам со мной определенно повезло!

— Вкусно, да? — Улыбнувшись, я провела рукой по гладкой шерсти. — Еще бы не вкусно! Ешьте, пока я здесь. А то вот возьму накоплю денег и уеду. Например, в столицу. Знаете, как там красиво? Вот и я не знаю. Поэтому обязательно нужно съездить и посмотреть!

Покончив с ужином, который по совместительству являлся завтраком и обедом, коты принялись ластиться и тереться о мои колени. Они громко и не стесняясь мурчали, всем своим поведением выражая довольство.

Велико было желание взять одного к себе, но, во-первых, это было бы нечестно по отношению к остальным, а во-вторых, для содержания морских котиков требовались особые условия: обеспечение хорошего питания и специальный аквариум. Так что содержание такого питомца — удовольствие не из дешевых. Особенно если речь идет о породистых, как, например, у принцессы Линарии. Ее кошка не только украшала своими портретами столичные газеты, но и являлась неизменной законодательницей кошачьей моды.

Пока я возилась с котиками, наступило девять вечера, о чем свидетельствовала зазвучавшая вдалеке музыка. С каждой секундой она становилась все ближе, и уже вскоре на горизонте можно было рассмотреть приближающиеся голубые силуэты.

«Призрачный оркестр» — так жители Сумеречья называли эти потерянные души. Они были абсолютно безвредными и не доставляли никаких хлопот, поэтому даже не нуждались в подчинении.

Как правило, потерянные души — крайне злобные и к тому же сильные создания, в которых превращаются некоторые утопленники. В других морях таких существей водится немного, но в Сумеречном их почему-то бесчисленное множество.

Так что благодаря своей беззлобности призрачный оркестр мог смело зваться аномальным явлением. Считалось, что эти ребята отправились в загробный мир лет триста назад, в то время как плыли выступать на празднике алых рассветов. По неведомым причинам корабль пошел ко дну, и они, смотря прямо в лицо своей гибели, взялись за музыкальные инструменты. Так и умерли, не выпуская из рук смычки, флейты и трубы, а звуки их музыки до сих пор каждый вечер разносились над морем.

Печальная история, но зато после смерти музыканты сыскали себе небывалую славу, став одной из достопримечатель-

ностей Сумеречья. А король даже даровал им посмертные и за- гробные ордена за неоценимый вклад в культуру королевства. Вот спрашивается, кто еще может таким похвастаться?

Усилившиеся порывы летящего с моря ветра принесли морозный запах соли, подхватили полы моего плаща и растрепали небрежно заплетенную косу. Испугавшиеся котята спрыгнули в воду и, выпустив на поверхность несколько пузырей, скрылись в синей глубине.

Сегодня музыканты играли задорную и веселую мелодию. На мой вкус, гораздо лучше тех, что нагоняют тоску и вызывают желание пустить совсем не скупую женскую слезу.

Толстый, дующий в трубу бородач летел первым, следом за ним — несколько скрипачей и девушка с волынкой, а замыкали шествие три флейтиста. Присутствие потерянных душ подкрепило и без того сильный мороз, и по воде расстелилась белая мгла. В воздухе заплясали острые снежинки, мешающиеся с тяжелыми, летящими мне в лицо каплями.

Улыбнувшись, я приветственно помахала музыкантам, хотя и знала, что те никак не отреагируют. Сегодня решила досмотреть их выступление до конца и наблюдала за ними до тех пор, пока они не скрылись из виду. Каждый вечер призрачный оркестр облетал весь остров, а затем терялся где-то на соприкосновении неба и пенящегося Сумеречного моря.

Только когда звуки симфонии стали совсем тихими, я поняла, насколько замерзла. Зябко пожившись, согрела дыханием заледеневшие пальцы и уже почти развернулась, собираясь уходить, как вдруг заметила нечто странное.

Морозная дымка рассеялась, и в полумраке, совсем неподалеку, вырисовались очертания корабля.

— Здесь же давно никто не причаливает, — удивленно проговорила я и, присмотревшись внимательнее, ахнула.

Корабль на черных парусах... «Черный призрак»! Тот самый «Черный призрак», такой же легендарный, как и его капитан — неуловимый пират Кайер Флинт, которого месяц назад приговорили к повешению!

Сознание отчаянно кричало, что нужно скорее убегать, но ноги словно примерзли к причалу, и я не двинулась с места.

Просто стояла по-прежнему с поднесенными ко рту руками и во все глаза смотрела на то, чего здесь быть в принципе не могло.

Черный, рваный по краям флаг демонстрировал изображение двух костей и черепа с синими провалами глаз. Мачты пошатывались и едва слышно поскрипывали под натиском ветра, паруса были спущены, а с самого корабля не доносилось ни звука. Он казался абсолютно пустым и, более того, мертвым. Словно в самом деле вернулся с того света и причалил к нашим берегам.

Из оцепенения меня вывел звук приближающихся со стороны берега шагов. Опомившись, я бросилась прочь с причала, дважды чуть не упала на ледяной корке, и, как только оказалась в тени старых доков, рядом прошли две коренастые фигуры.

— А я тебе говорю, не нужно было столько эля покупать! — заявил первый пират, тянущий на плечах увесистый мешок. — Да если капитан узнает, он нас на корм рыбам отправит или, хуже того, на растерзание потерянными душам отдаст!

— Да ладно тебе бухтеть, — попытался утихомирить товарища другой. — Нам что было велено? Сбыть столичному торговцу ювелирную подделку втридорога. А мы что? Мы ж умные, еще сверх меры его облапошили! Имеем право лишнюю наживу себе забрать? Имеем. Теперь в пойле месяц отказа знать не будем, а капитан ни о чем и не пронюхает!

— А если все-таки пронюхает? — продолжал сомневаться первый. — Он же как вернулся, так совсем озверел...

— Говорю тебе, он не заметит!

— А если...

— Заткнись, Сэм, или на корм рыбам пойдешь прямо сейчас!

— Прости, Ус, — вздохнул здоровяк, поправив красноречиво позвякивающий на плече мешок. — Слушай, а если все-таки...

Его спутник страдальчески зарычал и крепко выругался.

Дальнейшего разговора я не слышала, сосредоточившись на том, чтобы слиться с холодной стеной и не дышать. Вот ведь

ши! Надо же было оказаться здесь так не вовремя! Не хватало столкнуться с подобными типами у заброшенного причала, где фонари горят через раз, а из прохожих одни контрабандисты да тупые тролли.

Котят кормить пришла, на романтическое ночное море любоваться — дура, словом! Одно дело — общаться с подобными личностями в Слезных трущобах, где каждый из них если не добрый, то по крайней мере знакомый сосед. И совсем другое — столкнуться с незнакомцами, да еще и пиратами в порту.

Пиратами, глубинные их утопи!

Когда переругивающаяся парочка села в пришвартованную шлюпку (и как я ее сразу не заметила?) и отчалила от берега, меня накрыло невероятным облегчением. Дождавшись, пока они растворятся во мраке сумеречной ночи, я практически бегом направилась к центру. До трущоб добиралась исключительно по хорошо освещенным улицам, а когда оказалась в родном районе Сумеречья, старалась держаться в тени и не привлекать к себе внимания.

Окончательно успокоилась, лишь когда вошла в дом и, тяжело дыша, привалилась спиной к закрывшейся двери. Прислушавшись, удивленно констатировала отсутствие храпа. Странно, обычно отец к этому времени опустошает пару бутылок и уже видит тридесятый сон. Или я что-то перепутала и сегодня его смена?

Прозвучавший на кухне грохот и долетевший до меня запах гари уничтожил последнее предположение на корню. Смирившись с неизбежным, я глубоко вдохнула и пошла к источнику шума.

— Где шлялась? — хмуро зыркнув в мою сторону, осведомился папочка.

— Тебе-то какая разница? — Наверное, стоило промолчать и не провоцировать его, но я не сдержалась.

— Ты как с отцом разговариваешь?! — рявкнул он, сопроводив слова стуком кулака по столу.

Щербатые тарелки задребезжали, лук на разделочной доске подпрыгнул, а пустая бутылка упала на пол и прикатилась мне под ноги.

Решив, что развивать перепалку себе дороже, я спокойно ответила:

— Была на работе. Сегодня много клиентов, поэтому задержалась.

— Это что за работа такая, где молодая девка ночами пропадает? — подозрительно поинтересовался папочка, совсем не кстати вспомнивший о своем родительском долге. — Смотри, если узнаю, что в порту моряков развлекаешь, из дома выгоню!

Звучало до того нелепо, что не хотелось даже обижаться. Ничего не ответив, я достала оставшуюся после кормежки си-неводку и отправила прямиком в кастрюлю. Несколько раз промыла и поставила на огонь, а сама в это время занялась нарезкой овощей. Готовила я не то чтобы отлично, но вполне сносно, а уху считала своим самым удачным блюдом. И бюджетно, и быстро, и вкусно.

Недовольно ворча, папочка убрал с плиты сковороду, в которой пытался приготовить картошку, и отправил пригоревшее содержимое в мусорное ведро. Затем сел за стол, подпер подбородок кулаком и о чем-то крепко задумался. Уходить он явно не торопился, и это не слишком меня радовало. Единственное, что внушало оптимизм, — это его похожесть на стеклышко. В том смысле, что впервые за последнее время отец был трезв. За долгие годы я навидалась столько, что безошибочно определяла все степени алкогольного опьянения.

— Вся в мать, — досадливо произнес папа, и от неожиданности я порезала палец.

На царапину и брызнувшую кровь не обратила даже внимания, не поверив собственным ушам. Сколько себя помню, тема мамы всегда была запретной, и стоило о ней заикнуться, как на меня тут же обрушивалась волна раздражения и громopodobный ор. А орал папа так, что ему бы позавидовал самый крупный северный орк!

— И фигура, и глаза эти синюшные, — продолжил он, рассматривая меня так, словно видел в первый раз. — Только что цветом волос в меня пошла, та блондинистой была...

Я стояла, забыв, как дышать, и боясь спугнуть внезапную папину откровенность. Когда он замолк, испытала укол раз-

очарования, но решила рискнуть и попытаться узнать больше. Бросив недорезанные овощи, села напротив и, посмотрев ему в глаза, робко спросила:

— Почему ты никогда о ней не рассказывал?

В следующую секунду оправдалось худшее опасение — папину откровенность я переоценила.

— Не о чем рассказывать! — отрезал он, принимаясь за откупоривание очередной бутылки. — Все вы, бабы, одинаковые. Что смотришь? Да, красивая она была — до одурения красивая, только не в том счастье, слышишь? Запомни, Фридка, красота — это проклятие! И мужика себе выбирай простого да работающего, а на внешность не смотри! И голову свою мечтами глупыми не забивай, все равно никуда отсюда не вырвешься: как родилась в нищете, так в нищете и помрешь!

А вот это сейчас обидно было. И самое главное, слова буквально задели за живое, отчего на глаза навернулись непрошенные слезы. Жутко захотелось дать им волю, но я сдержалась.

— И не разводи мне тут сырость, — завершил тираду вконец раздосадованный отец, отхлебнув дешевого эля. — Слушай и внимай, я тебе плохого не посоветую!

Не глядя на него, я поднялась и отвернулась к плите. Сняла с огня так и не сварившийся бульон, направилась к выходу и, на миг замерев, негромко произнесла:

— Не приписывай мне собственные неудачи. Если ты смирился и разменял жизнь на бутылку, это не значит, что я повторю ту же участь.

Игнорируя полетевшие в спину крики, вбежала вверх по скрипящей лестнице и, заперев за собой дверь, рухнула на кровать. Скинула ботинки, уткнулась носом в подушку и несколько раз всхлипнула. Насколько ненавижу себя жалеть, настолько же сильно иногда хочется...

Дождавшись, пока отец отправится к себе и забудется беспробудным сном, я пошла в ванную. Вода полилась чуть теплая, но зато чистая, так что я смогла как следует отмыться. После дня, проведенного в лавке, рыбный запах въедался буквально под кожу, и я чувствовала себя обитателем морского дна. Очень хотелось воспользоваться душистым мылом и та-

ким же душистым шампунем, но подобной роскоши у нас отродясь не водилось, так что приходилось довольствоваться хозяйственным.

Из душа я выходила, покрывшись мелкими пупырышками и звучно клацая зубами. В комнате сбросила полотенце, надела ночную рубашку, до носа укуталась в пару одеял и села на кровати, ожидая, пока волосы хотя бы немного подсохнут. Подхватив пальцами каштановую прядь, внимательно на нее посмотрела: вот уж действительно, хорошо, что не родилась блондинкой. Маму я не осуждала, но и простить за то, что она меня бросила, не могла. В сущности, мне было все равно.

Это в детстве я могла часами просиживать у окна, надеясь, что она вот-вот появится на окутанной сумерками улице. А потом смирилась.

Вспомнив, что забыла растопить камин, я снова нехотя поплелась на первый этаж, и когда в очаге заплясало рыжее пламя, уселась в стоящее напротив кресло. Плотнее запахнув одеяло, подобрала под себя ноги и решила, что вполне могу немножко здесь посидеть. Так и волосы быстрее высохнут...

— Фрида! — разнеслись по дому громогласные звуки моего имени.

Я резко открыла глаза и подскочила с места, задев при этом стоящую рядом кочергу. Из-за грохота от ее падения не сразу различила знакомый и ужасно противный звук разрывающегося будильника.

— Выключи свою глубинную тарактелку! — пророкотал взбешенный папочка, для убедительности пуньнув чем-то в дверь.

В том, что заснула прямо в кресле, а сейчас ощутила ноющую боль в затекшей шее и левом плече, приятного было мало. Особенно учитывая спутавшиеся за ночь волосы, которые накануне забыла расчесать.

Дабы еще больше не раздражать человека, и без того мучающегося похмельем, я сильфом влетела к себе и отключила «глубинную тарактелку». В доме тут же наступила блаженная

тишина, которую осмеливался нарушать лишь подвывающий в каминной трубе ветер.

Подойдя к зеркалу, я всмотрелась в свое отражение и кисло поздравила:

— Ну, с днем рождения меня.

Искренне не понимаю, почему этот день считается праздником. Может быть, в детстве действительно есть смысл радоваться тому, что повзрослел; может быть, радуются черные саламандры, обладающие извечным огнем и живущие тысячу лет; может быть, радуются даже всевозможные нелюди, чей век значительно превосходит людской. Но я — Фрида Талмор, обычный человек, радоваться еще одной ступени на пути к старости не умею! Даже на календарике одиннадцатый день первого месяца зимы закрасиваю черным.

Доварив вчерашнюю уху, ею же и позавтракала, сопроводив праздничную утреннюю трапезу куском подсохшего хлеба. Собралась я быстро, время в запасе еще имелось, поэтому можно было не спешить. Ко мне даже закралась предательская мысль как-нибудь по-особенному уложить волосы, но я тут же ее отбросила. Заплела привычную косу, надела такое же привычное платье, сунула ноги в не менее привычные ботинки и даже закономерно накинула привычный плащ.

Только я собралась выходить, как вдруг во входную дверь постучали. И стук этот был такой деликатный, тактичный — живущие по соседству особи так не умеют. Удивляясь, что к нам кто-то пожаловал, да еще и в такую рань, я открыла визитеру и тут же наткнулась на профессиональную натянутую улыбку.

— Госпожа Талмор? — уточнил представший предо мной посыльный и, дождавшись ошарашенного кивка, всучил бумагу. — Будьте любезны, распишитесь о получении.

Выполнив требуемое, я получила в руки небольшую коробочку, перевязанную синей тесьмой.

— А...

— Всего доброго. — Посыльный склонил голову и, развернувшись, засеменял по заваленной снегом улочке.

У ближайшей помойки послышалось какое-то копошение, отчего он тут же нервно подпрыгнул и принялся улепетывать еще быстрее. Нахождение в Слезных трущобах явно доставляло бедолаге дискомфорт.

— Подождите! — крикнула ему вдогонку. — А это от кого?

Он то ли не расслышал моего вопроса, то ли сделал вид, что не расслышал, но, как бы то ни было, ответа я не получила. Повертев посылку в руках, не обнаружила никакой зацепки, которая могла бы указать на адресанта. Не было ее и внутри, но, как только я развернула оберточную бумагу и увидела содержимое, настолько опешила, что отправитель временно перестал волновать.

Я во все глаза смотрела на браслет из темно-синего мраморного жемчуга и вспоминала, от чего могла схлопотать галлюцинации. Ну не мог же мне, в самом деле, кто-то прислать такую драгоценность!

Силы поднебесные... да это просто невозможно!

Невозможно точно так же, как продажа этой самой драгоценности на рынке и появление у старого причала легендарного пиратского корабля!

Не имея ни малейшего представления о том, кто и зачем мне это прислал, я быстро забежала к себе в комнату и сунула браслет под матрац. Для надежности еще и оба одеяла поправила, не то, увидь кто у меня такую роскошь, проблем не оберешься. Конечно, вряд ли кому-то придет в голову наведываться в этот дом и тем более проводить обыск, но всякое в жизни бывает.

У лавки господина Митто привычно толпился народ. На ходу поздоровавшись со всеми знакомыми, я вбежала внутрь и... и застыла, глядя на своего нанимателя, вполне спокойно беседующего с Далией. Нет, в Сумеречном море однозначно что-то отправилось на дно!

— О, Фридка, привет! — В два шага оказавшись рядом, подруга заключила меня в крепкие объятия. — С днем рождения, труженица моя дорогая! Счастья тебе, здоровья крепкого, как наши морозы, и пусть алый рассвет всегда освещает твой путь! — Выпалив поздравление, она без перехода сунула мне

конверт и, предвидя возражения, предупредила: — Даже не думай отказываться, это от чистого сердца. Сегодня же идем тратить эти деньги на приличный наряд и ужин в «Лазурной бухте»!

— Ты сдурела? — Все, что я смогла вымолвить, огорошенная таким напором.

— Закажем чешуйчатого угря с соусом из икринок, — проигнорировав вопрос, протянула подруга. — Помнишь, как мы мечтали?

— Ты сдурела. — Уже не вопрос, а констатация факта.

А дальше случилось немислимое, потому как ко мне подошел господин Митто и торжественно вручил точно такой же конверт со словами, что это та самая обещанная премия. Скупой на похвалу, вечно недовольный наниматель улыбнулся и сообщил, что в честь праздника сегодня отпустит меня пораньше.

Я как стояла, так и осела на старенький табуретик, при этом едва не плюхнувшись мимо него. Это было слишком — слишком хорошо, чтобы быть правдой.

На этом все странности закончились, и дальнейший рабочий день прошел без неожиданностей. Уходить с работы в три часа дня было необычно, но до чего же радостно! Я не понимала, каким образом Далия уговорила своего нанимателя, но в это время он отпустил и ее.

Откровенно говоря, тратить столько денег на одежду и тем более ужин в дорогом ресторане я считала просто преступлением, но подругу было не переубедить. Заявив, что, если буду препираться, она отберет конверт обратно, Далия потащила меня в южные кварталы, где располагались респектабельные магазины.

В сторону самых дорогих мы даже не смотрели, так как одни только чулки в них стоили больше, чем я зарабатывала за несколько месяцев. Сперва мы заглянули в магазин госпожи Труды, где одевались почти все представители среднего класса. Госпоже Труды поставляли вещи из Сиятельной области Солнечного королевства, славящейся производством аналогов шедевров именитых кутюрье. Проще говоря,

тамошние умельцы шили на подпольных фабриках подделки, но неискушенному взгляду отличить их от оригинала было непросто.

— Вот это! — восторженно воскликнула Далия, сняв с вешалки платье цвета выдержанного красного вина.

Но когда я вышла в нем из примерочной, она сникла, а после заявила, что такой цвет совершенно меня не красит. Следом, перерыв остальные вешалки, отобрала еще несколько платьев зеленого, охристого и голубого оттенков. Я послушно мерила все предложенное и даже не пыталась спорить. Глядя на отражение в зеркале, особого энтузиазма не испытывала, но Далия воодушевления не теряла.

В итоге в магазинчике госпожи Труды я приобрела черные сапожки на маленьком каблучке и теплые чулки. Далее меня ожидал новый круг глубины, то есть ускоренный поход по другим торговым точкам. Казалось, я перемерила горы нарядов, но ни один из них не был тем самым, за который было бы не жалко расстаться с ощутимой суммой.

— Ладно, сейчас пойдем в конец квартала, там еще один небольшой магазинчик есть, — выдохнула заметно подуставшая Далия, отерев влажный лоб.

В нашей беготне был один весомый плюс: я узнала, что шопинг — прекрасный способ согреться в суровую сумеречную зиму.

Мы почти дошли до того самого небольшого магазинчика, когда мой взгляд внезапно привлекла витрина одного из самых респектабельных торговых центров. В нем продавали лишь эксклюзивные вещи — да-да, те самые, аналоги которых шили в Сиятельной области.

Заметив, что я отстала, Далия обернулась и, проследив за моим взглядом, восторженно ахнула. Да, это платье было мечтой... Простого покроя, облегающее, темно-синее, усыпанное мелкими жемчужинками на подоле, которые красиво переливались под серебристым искусственным светом. Рядом висела табличка, сообщающая, что в честь алых рассветов на эту коллекцию действует двадцатипроцентная скидка.

Я взглянула на ценник, вздохнула и уже сама потащила Далию в конец квартала. Даже со скидкой платье стоило целое состояние.

— Как вообще можно такие цены ставить?! — возмущалась подруга. — Вот кто, спрашивается, за него такие деньжищи отдаст?

Далия, как всегда, старалась меня приободрить, хотя я в этом и не нуждалась. В конце концов, это всего лишь платье, а красивые наряды — далеко не самое главное в жизни.

Настроение мое было прекрасным, а в тот момент, когда я все-таки вышла из магазинчика в обновке, и вовсе поднялось к поднебесным. Купленное платье тоже было темно-синим и, хотя до шедевра великого кутюрье явно не дотягивало, все равно пришлось мне по вкусу.

Когда пришло время идти в «Лазурную бухту», желание возражать сошло на нет. Лопнуло, как воздушный пузырь, и мною завладело предвкушение. В конце концов, имею я право хотя бы в день рождения поддаться слабости и потратить деньги на хороший ужин?

В ресторане, куда мы пришли, столики было принято резервировать как минимум за неделю, иначе на свободные места рассчитывать не приходилось. Далия обо всем позаботилась заранее, и, когда назвала свою фамилию встречавшему гостей метрдотелю, тот проводил нас к окну.

Хотя ресторан был не самым респектабельным в Сумерче, он все равно имел хорошую репутацию, и сюда не чурались заходить некоторые не самые знатные аристократы. Посещать подобные места прежде мне не приходилось, поэтому я чувствовала себя несколько неуверенно. А еще боялась сделать что-нибудь не то.

Оставалось надеяться на Далию, которую когда-то сюда водил парень. Не так давно она встречалась с молодым ловцом потерянных душ и, хотя они расстались, по-прежнему отзывалась о нем с теплом.

Когда нам принесли закуску, я с ужасом обнаружила, что не знаю, за какие приборы браться. Передо мной лежали три вилки, три ножа и еще две ложки — большая и поменьше.

Повторяя за Далией, я взяла те, что лежали дальше от тарелки, и принялась за осьминога. Вначале сидящие за соседними столиками разодетые горожане и спящие по залу официанты вызывали у меня некоторый душевный дискомфорт, но вскоре я расслабилась.

Находиться здесь было поистине чудесно. Из окна открывался потрясающий вид на освещенные множеством фонарей улицы, утопающие в полупрозрачной синей дымке; виднелись отсюда и черные силуэты Слезных трущоб, расположенных на возвышенности, и дремлющее Сумеречное море. Как раз в это время там материализовался широкий белоснежный мост, пройдя по которому можно было оказаться в любом уголке королевства. Билеты стоили баснословно дорого, поэтому пользовались им в основном аристократы. Остальные же довольствовались более дешевым и опасным способом перемещения — курсирующими каждую неделю кораблями.

Следующим блюдом подали суп из морепродуктов, а после — того самого чешуйчатого угря. Деликатес, который мы с Далией хотели попробовать уже давно, выглядел красиво, но вместе с тем... неаппетитно. Обычная черная змея, порезанная на кусочки и плавающая в соусе.

— М-да-а, — протянула Далия, разочарованно вернув в тарелку надкушенный кусочек морской змейки. — И из-за чего весь сыр-бор? Морской гад как морской гад. Ничего особенного...

— Лорд! — неожиданно прозвучал на первом этаже чрезмерно громкий голос встречающего гостей метрдотеля. — Лорд Ре...

Голос оборвался, и все прислушивающиеся к нему посетители вернулись к содержимому своих тарелок. Но уже через несколько минут снова синхронно подняли глаза и на этот раз уставились на дверь, в которую на крыльях северных ветров влетел раскрасневшийся метрдотель. Следом за ним в зал вошел человек в темно-синей униформе, выдающей принадлежность к ловцам потерянных душ. Высокий статный блондин с достающими до плеч волосами и холодным взглядом голубых, точно растаявший лед, глаз.

В зале повисла гробовая тишина.

А затем раздался звучный стук — кто-то выронил ложку, кто-то вилку, кто-то нож, а кто и все разом. Под всеобщее молчание раболепствующий метрдотель проводил вошедшего к лучшему столику, огороженному бирюзовой ширмой, куда тут же направилась пара не менее раболепствующих официантов, готовых исполнить любую прихоть почетного гостя.

Далия перевела на меня потрясенный взгляд, и я увидела в ее глазах отражение своих собственных мыслей.

Эртан Рей — адмирал королевского морского флота, неизменный Глава центра ловцов потерянных душ, маг первой ступени, он же так называемый морской демон сейчас сидел в заурядном ресторане Сумеречья в нескольких метрах от нас!

Нет, я была не права — не просто что-то отправилось на дно... вымерло целое море!

— И с каких пор птицы такого полета ужинают в подобных ресторанчиках? — на грани слышимости проговорила Далия, сворачивая шею, чтобы посмотреть на огороженный ширмой столик.

Все посетители как по команде тоже равнялись налево, вытягивали шеи и явно задавались тем же вопросом. А еще боролись с желанием спрятаться под стол. Или вообще сбежать — чтобы уж наверняка.

Через пару минут один из смолкнувших музыкантов взялся за скрипку, потом его игру подхватил другой, и постепенно зал снова наполнился звуками, перестав напоминать глубокий склеп.

Атмосфера разрядилась.

Далия произносила тосты, мы морщились, но давились угрем, вспоминали забавные случаи из торговли и вообще неплохо проводили время. Я понимала, что эта сказка скоро закончится, а завтрашнее утро вернет меня в суровую реальность, поэтому старалась забыть обо всем и просто наслаждаться прекрасным вечером. Вряд ли когда-нибудь еще придется здесь бывать... не в обозримом будущем уж точно.

Далия говорила что-то о своем бывшем парне, когда картинка перед моими глазами внезапно поплыла. Горло вдруг

сделалось шершавым, тело обмякло, музыка зазвучала как-то низко и набатом отозвалась в гудящих висках.

— Фрида! — испуганно крикнула чересчур медлительная Далия, и я почувствовала, что до безумия хочу пить...

ГЛАВА 3

— Придержите ей голову, — прозвучал во тьме приятный мужской голос.

— Лорд, может, все-таки целителя...

— Делайте что говорят! — Голос из приятного превратился в резко-повелительный и пугающе-яростный.

Мою голову беспрекословно придержали, не осмелившись спорить. И того, кто выполнял приказ, я прекрасно понимала — сама бы ни за что не осмелилась послушаться. Жить еще хочется...

Мне в горло полилась прохладная вода, я закашлялась, но тут же принялась жадно ее глотать.

— Еще один графин принеси, — потребовал тот самый резко-повелительный голос, и мою голову опустили на что-то мягкое.

Я вполне могла открыть глаза, но отчего-то совершенно не хотела этого делать. Наверное, потому что догадывалась, кого увижу около себя, и была совершенно к такому не готова.

— Ей сегодня исполнилось девятнадцать? — осведомился теперь уже не такой пугающе-яростный.

— Да, — тихо подтвердила моя подруга.

— Она знала, что в ней течет кровь ундины?

«В ком, во мне?!» — изумленно подумала я.

— В ком, в ней?! — изумленно воскликнула Далия.

— Если вы о белой как снег девушке, лежащей перед нами, — да, в ней. — Мужской голос неуловимо трансформировался из резкого в невозмутимый. — И не стоит делать вид, что все еще находитесь без сознания, вы уже пришли в себя.

Поняв, что последняя фраза адресовалась непосредственно белой как снег мне, я нервно вздрогнула и все-таки решилась

приоткрыть глаза. Сначала один, а потом очень медленно второй.

Лучше бы этого не делала, потому как сразу же захотелось снова упасть в обморок или, еще лучше, провалиться к глубинным.

Я лежала на мягком диванчике, огороженная от посторонних глаз бирюзовой ширмой. Рядом стояла дрожащая, перепуганная Даля, чуть поодаль несколько не менее перепуганных официантов и несчастный метрдотель, а надо мной склонялся тот, кого не знал в лицо разве что только слепой.

— Подняться можете? — поинтересовался адмирал королевского флота, и я поняла, что двигаться не могу совершенно. То есть теоретически, может быть, и могу, но на практике парализована страхом, растерянностью и полнейшим непониманием ситуации.

— Ясно, — коротко кивнул Эртан Рей и одним неуловимым движением помог мне принять сидячее положение.

Перед глазами снова все заплесало, и, не придержи меня все тот же адмирал, я бы однозначно повалилась обратно.

— Зовут вас как? — на выдохе поинтересовался мой спаситель.

Проверять наличие голоса было боязно, но я решилась:

— Фри... — снова закашлялась и сумбурно повторила: — Фрида.

— Фрида, — адмирал сделал акцент на моем имени, — насколько я понимаю, вы росли в неполной семье, поэтому и не подозревали о своем происхождении. Девятнадцать по меркам ундин — возраст, определяющий рубеж взросления, поэтому сегодня их кровь себя проявила. Сейчас вам лучше отправиться домой, отдохнуть и пить как можно больше воды, иначе рискуете получить обезвоживание.

Я не знала, чему удивляться больше: новостям о своем происхождении, разговору с самим адмиралом королевского флота или его неожиданной заботе.

— Почему вы... — В мыслях творилась полнейшая каша, и внятно сформулировать вопрос я оказалась не в состоянии.